

УДК 81' 373.4

DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-411-419

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАТЕГОРИИ «ЧУЖЕСТЬ» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

М. Ю. Фадеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Дихотомия «свой – чужой» является феноменом, детерминированным антропологически и характеризующийся вариативным толкованием в зависимости от эпистемологического направления на протяжении всей истории человечества. Категориальные представления о «чужести» разнятся в неродственных языковых картинах мира, что свидетельствует о лингвокультурном статусе исследуемой категории. **Цель статьи** – охарактеризовать семантические изменения категории «чужест» / «Fremdheit», отраженные в лексикографических источниках русского и немецкого языков, и установить особенности интерпретации данной категории в разные хронологические периоды общественного развития. **Материалы и методы.** Эмпирическую базу исследования составили лексикографические источники и двуязычные словари привлекаемых языков, отражающие языковые факты различных хронологических периодов (средние века, XIX век, XX–XXI вв.). При разработке темы автор применял описательный метод, элементы метода компонентного анализа, метод дефиниционного анализа, а также метод сопоставительного анализа с учетом лингвокультурной парадигмы изучаемых языков. **Результаты исследования, обсуждения.** В русском языке выделяются три основных и два переносных лексико-семантических варианта значения слова «чужой»: 1) определение принадлежности, права владения, 2) идентификация степени кровного родства и соотносительность с местом рождения, 3) готовность к познанию, знакомству, 4) и 5) значения описывают духовную дистанцию, нежелание к сближению. Наблюдается диахроническое изменение аксиологического параметра категории: переход от негативной коннотации к нейтральной. В немецком языке укоренились четыре семантических значения с дифференцирующими признаками локальности, принадлежности, узнаваемости, соответствия норме, ключевыми из которых являются категории пространства и лица. **Заключение.** Принадлежность к категории «чужест» в двух лингвокультурах определяется локальным, притяжательным, эпистемическим, нормативным, эмоционально-флукутуирующим признаками. Ведущими для русской лингвокультуры при определении «чужого» выступают притяжательный, эпистемический и нормативный признаки, коннотация значений варьируется от нейтральной до умеренно-положительной; в немецкой лингвокультуре наиболее значим локальный признак. Эмоционально-флукутуирующий признак проявляется в меньшей степени как в русском, так и в немецком языках.

Ключевые слова: лингвокультурная категория «чужест», национальная идентификация, чужой, чуждый, лексикографический анализ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фадеева М. Ю. Лексикографическая интерпретация лингвокультурной категории «чужест» в русском и немецком языках // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 411–419. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-411-419>

LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF “FOREIGNNESS” AS A LINGUOCULTURAL CATEGORY IN RUSSIAN AND GERMAN

M. Yu. Fadeeva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The dichotomy “own – foreign” is a phenomenon determined anthropologically and characterized by a variable interpretation depending on the epistemological direction throughout the history of mankind. Categorical representations of “foreignness” differ in unrelated linguistic worldviews, which testifies to the linguocultural status of the category. **The purpose of the paper** is to characterise the semantic changes of the category “foreignness” / “Fremdheit” reflected in lexicographical sources of Russian and German languages and to establish the logic of interpretation of this category in different chronological periods of social development. **Materials and methods.** Lexicographic sources and bilingual Russian –

German dictionaries reflecting the linguistic facts of various chronological periods (the Middle Ages, the 19th century, the 20th–21st centuries) formed the empirical base of the study. Developing the research topic, the author used descriptive, contextual-pragmatic methods, definitional and comparative analyses, taking into account the linguocultural paradigm of the studied languages. **Results of the research, discussions.** Three main and two figurative lexical-semantic variants of the meaning of the word “foreigner” are distinguished in Russian: 1) definition of belonging, the right of possession, 2) identification of the degree of blood kinship and correlation with the place of birth, 3) readiness for cognition, acquaintance, 4) and 5) meanings describe spiritual distance, unwillingness to get closer. There is a diachronic change in the axiological parameter of the category: the transition from a negative connotation to neutral. Four semantic meanings with the differentiating features of locality, belonging, recognisability, and conformity to the norm have taken root in German, the key ones being the categories of space and personality. **Conclusion.** Attribution to the “foreigner” category in two linguocultures is determined by local, possessive, epistemic, normative, emotional-fluctuating features. The attributive, epistemic and normative features are leading in the Russian linguoculture to define a “foreigner”, the connotation of meanings varies from neutral to moderately positive; in the German linguoculture the local feature is the most significant. The emotional-fluctuating attribute is manifested to a lesser extent in both Russian and German.

Keywords: linguocultural category of “foreignness”, national identification, foreign, alien, lexicographic analysis

The author declares no conflict of interest.

For citation: Fadeeva M. Yu. Lexicographic interpretation of “foreignness” as a linguocultural category in Russian and German. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 411–419. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-411-419>

Введение

Со времен классической греческой философии феномен «чужого» является важным условием социального опыта, неотъемлемой частью предмета изучения культурологии, этнологии, теории межкультурной коммуникации, имагологии и других гуманитарных наук, посвященных национальному миропониманию, самоидентификации, равно как конструированию гетеро- и автообразов на уровне межличностных отношений [1]. Миграция населения, культурный трансфер и глобальная медиальность как фактор актуализации потенциально существующих связей элементов социальной системы свидетельствуют об особой актуальности исследования дихотомии «свой – чужой» и в современный период развития гуманитарных наук.

Посредством осмысления этнических и социокультурных особенностей речевого поведения и языкового сознания носителей одной лингвокультуры при ее сопоставлении с другими лингвокультурами формируются категориальные представления, выражающие наиболее общие свойства и связи явлений действительности [2; 3]. Интерес к специфике толкования «чужести» в последние десятилетия вызван сдвигом семантической наполняемости данной категории: традиционное с позиции этнографии «чужое» как

экзотичное, пришедшее извне и не принадлежащее ближайшему сообществу, становится менее частотным по сравнению с проявлением «чужести» внутри собственной культуры, когда субъект или объект представляются непривычными; несходными с кем-либо по духу, взглядам, интересам; странными [3, с. 29].

В философии М. Хайдеггера отношения между «своим» и «чужим» рассматриваются как изменчивая взаимосвязь дома и мира, которая предполагает в качестве цели превращение непонятого в доступное для понимания, безопасное. «Немецкий язык представляется особенно выразительным в описании «чуждости» за пределами дома, «heimisch» в значении «домашний, родной» противопоставляется «unheimisch, unheimlich» / «жуткий, чужой» [5, с. 414].

Значения «чужого» и «своего» не являются постоянными, они изменяются, при этом их определения зависят от контекста и ментального шаблона. Фигура «чужого» сопротивляется онтологизации, поэтому каждый из нас в зависимости от обстоятельств и ситуации может стать «чужим». С точки зрения культурологии такие категории пространства, как близость и дистанция, невозможно зафиксировать раз и навсегда, несмотря на многочисленные попытки их установления [6].

Выступая одной из антропологических констант, лингвокультурная категория «чужесть» может обнаруживать различные модификации в неродственных языковых картинах мира. «Любое приписывание «чужести» осуществляется в рамках коммуникативного акта, соответственно, материализация «чужого» возможна только в коммуникации. Например, всякий раз, когда мы ссылаемся на предметы в реальном мире, допустим, на дерево, мы неизбежно подразумеваем, что есть что-то, на что мы ссылаемся. Мы предполагаем наличие (дерева), потому что иначе утверждение, что есть нечто, было бы совершенно нелогичным. Что касается «чужести», то это не более чем форма речевой отсылки» (пер. наш) [7, с. 13].

В разных языках обозначаемое (будь то дерево, или чужесть) может иметь различные лексические значения, поэтому категоризация полисемантического понятия требует детального анализа семем с подбором эквивалентов в межъязыковой парадигме. Поиск инвариантов содержания исследуемой категории и установление ее характерных черт в русском и немецком языках представляется значимым для дальнейшей разработки лингвокультурологического подхода к описанию средств выражения социально значимых явлений.

Цель данного исследования заключается в характеристике семантических изменений внутри лингвокультурной категории «чужесть», отраженных в лексикографических источниках русского и немецкого языков, и в установлении закономерностей интерпретации составляющих данной категории в разные хронологические периоды развития общества в общекультурной, философской и языковой традициях.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования послужили статьи толковых (хронологические периоды XI–XVII вв., XIX в., XX–XXI вв.), этимологических, энциклопедических и двуязычных словарей привлекаемых языков, а также комментарии к ним. Для достижения цели исследования применялись описательный метод, элементы метода компонентного анализа, метод дефиниционного анализа, а также метод сопоставительного анализа с учетом лингвокультурной парадигмы и

национальных особенностей соответствующих языков и культур.

Результаты исследования

Первые упоминания древнерусских слов «чужь», «чужий» (старослав. чоуждь; праслав. *tjudjъ) датированы XI веком, наибольшее распространение в языке получили в форме прилагательного в период XV–XVI вв. Предположительно формы на *t-* получены путем диссимилиации. С точки зрения этимологии лексема «чужой» является заимствованной из готского языка (гот. «тюд» в значении «народ»), образована от индоевропейского корня *teu-t-a*, означающего «народ», «земля»¹.

К гнезду праславянского *tjudjъ также принадлежит лексема «чудь» – экзотоним – собирательное название неславянских народов как совокупности чужаков. Чудь является персонажем русского и финно-угорского фольклора, мифическим существом (рус. дивий (дикий) человек). Согласно народной этимологии язык чуди был непонятным, «чуднЫм», поэтому созвучие с лексическими единицами *чудо*, *чудак* является неслучайным.

По преданию *чудь*, *чудаки* (т. е. странные и чужие) проживали в Сибири, во времена правления Ивана Грозного они испугались Ермака, нежелание принимать новую веру взамен языческой заставило их вырыть подкопы и уйти со всем добром под землю. Лексема «чудь» нередко использовалась с негативной коннотацией как бранное слово: «чудь белоглазая!»². В основе неприятия чуди лежит диковинный внешний вид и трудно поддающиеся объяснению действия, родства с чудью боялись из-за их непонятных магических способностей. Народ отличался белой кожей, светлыми волосами и очень ясными, почти прозрачными глазами, что значительно выделяло их на фоне остальных, «обычных» соседних народов. Чуди приписываются свойства инородцев, антагонистов-нехристей, мифических предков, нечистой силы. Чудь была дикой, неграмотной и невежественной³.

¹ Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М. : ЮНБЕС, 2003. 704 с.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Вологда : ВОУНБ, 2012.

³ Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2012. Т. 5.

В древнерусском языке в значении «чужой, не свой» употреблялось несколько лексем, образующих синонимический ряд (такое количество единиц объясняется различными процессами в области исторической фонетики), – прилагательные *чужиш*, *чуждиш*, *стуждиш*, *тужиш*, *туждиш*, *шужиш*, *шуждиш*, которые отличались полисемантической и характеризовали субъект, реже – объект по признакам принадлежности, имущественных отношений, нахождения в пространстве, узнаваемости, соответствия норме. Отметим, что ядерным (объединяющим) в семантике всех лексем приведенного синонимического ряда является признак принадлежности не своим, т. е. чужеземным, иностранцам, другим. Туждий (туждний) также мог восприниматься враждебно, вражески и необычайно одновременно. Особо отметим, что чужесть оценивалась, как правило, негативно, и могла быть связана с чем-то неродным, действительно не своим (*шужиш*), с дьяволом, бесом (*тужиш*), с врагами (*туждиш*), со злодеями (*чужиш*, *шужиш*)¹.

Позднее в истории русского языка круг значений восточнославянской лексемы «чужой» расширился под влиянием лексемы «чуждый», которая употреблялась преимущественно в книжной речи, церковных источниках. В «Истории слов» В. В. Виноградова² отмечается, что «чуждый» и «чужой» употреблялись в древнерусском языке в одном синонимичном ряду. В русском литературном языке XVI–XVIII вв. лексема «чуждый» принадлежала к высокому словесному слогу, а «чужой» – к простому без существенной дифференциации смысла. Исключение составляет значение «внутренне, по духу далекий, духовно чуждый», которое вербализовывалось преимущественно в форме «чуждый». Со временем произойдет семантический сдвиг, в ходе которого актуализируется значение «лишенный чего-нибудь, не обладающий чем-нибудь, далекий от чего-нибудь», при этом признаки принадлежности и узнаваемости утратятся.

¹ Словарь русского языка XI–XVII / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Наука, 1975.

² История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / В. В. Виноградов ; Рос. акад. наук. Отд.-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1999. 1138 с.

Так, в Словаре Академии Российской 1806–1822 гг. лексемы *чуждый* и *чужий* являются синонимами, различающимися стилистически, в качестве первого значения приводится «не свой, посторонний»: *Ты кто еси судяй чуждему рабу?; чуждые законы, обыкновения; чужий домъ; чужое платье, имя*, причем, как правило, если прилагательное квалифицирует «простые» объекты, бытового характера, то представлена единица *чужий*. В качестве второго значения представлено «необыкновенный, неестественный, несвойственный кому»: *Чужде матеремъ дѣвство и странно дѣвамъ дѣторождение* – в данном случае *чуждый* синонимично *странный*³.

В Толковом словаре В. Даля (первое издание вышло в 1863 г.) приводятся сходные по звучанию лексемы «чужой», «чужий», «чуждый», которые рассматриваются как синонимы. Сравним: *Чуждый* – чужой. Он мне чуж, чуждый, чуж-чуженин, я его не знаю, или он не родня мне. *Чужой* – не свой, сторонний, собь другого, незнаемый, незнакомый; не родня, не наша семьи, не из нашего дома, нашего дома; не нашей земли, иноземный. *Чужий* – чуждый чего, чему, далекий, непричастный, сторонник⁴.

С. В. Бурдун, анализируя основу концепта «чужой» в исторических, этимологических и толковых словарях русского языка, упоминает богатое словообразовательное гнездо из субстантивных, глагольных и адвербиальных производных в словаре В. Даля, зачастую передающих отрицательную оценку субъекта, предмета, явления [8]. Например, *чужеверник*, *чужедворок*, *чужеженец (бабник)*, *чужеумок*, *чужеядный*, *чужеумиться* и др. Следует отметить, что большая часть прилагательных с корнем *чуж-* вышла из состава современного русского языка (*чужевольный*, *чужеженный*, *чужесторонний*, *чужесветный*), а сложные существительные претерпели замену основы *чуж-* на *ино-*. Ср. (чужестранец – иностранец, чужеплеменник – иноплеменник).

В современном русском языке лексема «чужой» характеризуется высокой степенью

³ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 т. В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии наук, 1806–1822. Т. 6. С. 1324.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Вологда : ВОУНБ, 2012.

употребительности, о чем свидетельствует ее позиция под номером 66 в ранговом списке из 500 наиболее употребительных прилагательных частотного словаря русского языка, в то время как лексема «чуждый» находится на 425 месте. Примечательно, что местоимению «свой» отводится 21 место в словаре наиболее частотных лемм корпуса среди всех частей речи, т. е. «свой» – «чужой» являются одними из основных составных частей картины мира¹.

Оттенки значений лексемы «чужой» вербализуются в многочисленном ряду (24 единицы) языковых и контекстуальных синонимов с разной степенью семантической близости: *чужой, чуждый, чужеземный, чужестранный, иноземный, иностранный, заграничный, заморский, закордонный, зарубежный, внешний, экзотический; непричастный, (по)сторонний, побочный, придаточный, навязанный; пришлый, привходящий, пригульный, приезжий, залетный, наносный, вводный*².

В Новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой отражены три основных и два переносных лексико-семантических варианта значения современного слова «чужой»: 1. Принадлежащий другому или другим; не собственный, не свой; 2. Не связанный родственными отношениями; неродной // Не отечественный // Не являющийся для кого-л. родиной или местом, где он вырос, к которому привык; 3. Не состоящий в близких отношениях с кем-л.; посторонний. // разг. Незнакомый, незнакомый; 4. перен. Далекий по духу, внутренне чуждый для кого-л., чего-л.; такой с которым нет подлинной близости; 5. перен. Отчужденный, отрешенный; чуждый³.

Первое значение основывается на категории принадлежности, праве владения, второе идентифицирует степень кровного родства и соотносительность с местом рождения, третье значение – готовность к познанию, знакомству. Четвертое и пятое значения описывают духовную дистанцию, неготовность или нежелание к сближению.

Таким образом, с течением времени можно наблюдать изменение аксиологического параметра лексемы «чужой»: в системе русского язы-

ка нейтральная коннотация (не свой, отчужденный) преобладает в большинстве контекстов над негативной (враждебный, иноплеменный) или полностью ее исключает.

В немецком языке понятием «чужест» / «Fremdheit» обозначается определенная форма различия, будь то отчуждение (Entfremdung) по отношению к собственной личности, своей группе, культуре и обществу, или в смысле чужести по отношению к другим субъектам и их соответствующему образу жизни. Чужест может быть понята только реляционно, причем чужесте обычно представляет собой отрицательно коннотированную или, по крайней мере, проблематизированную сторону асимметричной пары противоположных начал. Чужесте не имеет четкого определения, а скорее, напоминает семантический узел различных, ассоциативно взаимосвязанных уровней смысла [9]. Чужесте объединяет в себе признаки другого, неизвестного, неуместного, непонятного, интригующего и экзотического, а также странного по сравнению с привычным, т. е. чужесте сопровождается кризисами классификации. Не столько сама чужесте, сколько отношение «чужесте» и «своего» порождает амбивалентность, которая не поддается однозначному упорядочиванию [10].

Обратимся к этимологии лексемы *fremd* / *чужой*. В основе немецкого прилагательного «fremd» в значении «родом из-за границы, не родной, не принадлежащий, неизвестный» лежит древневерхненемецкое *frum, fram*, закрепившееся позднее в английском языке как предлог «from» (далеко отсюда, впереди, вдали). Историческая трансформации формы слова выглядит следующим образом: древневерхненемецкое *fremidi* (VIII в.) → средневерхненемецкое (далее СВН) *vremede, vremde, vröm(e)de* → древнесаксонское *fremiði* → готское *framapeis* → утраченное в новеверхненемецком *fram* (древневерхненем. VIII в.), т. о., первоначальное значение слова, предположительно, «далекий, дальний»⁴.

Одним из самых значимых толковых словарей в истории немецкого языка был словарь братьев Гримм, который издавался с середины XIX в., – Grimm Deutsches Wörterbuch. В нем представлено широкое множество значений лексемы «fremd», в том числе из памятников немецкой

¹ Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: ruscorpora.ru (дата обращения 20.02.2024).

² Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: АСТ; Астрель, 2003. 681 с.

³ Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М.: АСТ; Астрель, 2006. 890 с.

⁴ Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: <https://www.dwds.de/wb/fremd> (accessed 20.02.2024).

письменности (начиная с XII в.), не все из которых сохранились в современном немецком языке. Сравним:

Fremd – 1. fremd, peregrinus, extraneus. Unter fremde Leute kommen, domo exire, ins Ausland gehen; 2. fremde Götter, ausländische, gegenüber den alten heimischen. Reuchert dem Baal und folgt frembden Göttern nach, die ir nicht kennt. 3. fremde Könige und Völker: die Deutschen litten keinen fremden König über sich, wollten nur eingeborne; 4. fremd, alienus, der nicht eigen, nicht angehörig ist. Fremde Kinder, Männer, Weiber, Brüder, Knechte; 5. vielfache Anwendung auf andere Dinge und Zustände: er schrieb sogar ein trauerspiel, worin er alle seine zartesten und bittersten gefühle mit nassen augen auf fremde lippen legte; 6. aus 1) erwächst die abstraction befremdend, befremdlich, seltsam, wunderbar, unerhört (из первого значения – «иностранный» – происходит абстрактное значение «отчужденный, чуждый, редкий, чудесный, неслыханный»): ich will euch frömde mär sagen (я хочу рассказать вам неслыханную (удивительную) сказку). Отсюда «fremd thun' ist gleichfalls verwundert thun» (производит впечатление чужого – то же самое, что удивлять). Здесь же приводятся конструкции 'es ist mir fremd', ich habe nicht, entbehre, es liegt mir fern, ich denke nicht daran (это мне незнакомо... это далеко от меня); da was verwundert und befremdet oft auch als neu erscheint, so verknüpfen sich fremd und neu (... чужое (незнакомое) и новое связаны между собой).

В целом хотелось бы обратить внимание, что в словаре братьев Гримм прослеживается связь чужести с признаками удаленности и новизны. Однако со временем отдельные значения изменились либо утратились. В частности, в лексикографических источниках современного немецкого языка не представлено пятое значение, в рамках которого лексема «fremd» выражает значение многократной повторяемости по отношению к другим (чужим) состояниям и явлениям, в приведенном нами примере *er schrieb sogar ein trauerspiel, worin er alle seine zartesten und bittersten gefühle mit nassen augen auf fremde lippen legte* выражение *auf fremde lippen* предполагает, что мысли и чувства автора пьесы многократно повторяют чужие губы. В рамках шестого значения можно говорить об определенных семантических преобразованиях: признаки «новый, незнакомый, странный, ред-

кий» сохраняются в семантике лексемы *fremd* и в современном немецком языке, однако признаки «удивительный, неслыханный, чудесный» не эксплицированы.

Обратимся к рассмотрению словарных дефиниций «fremd» в лексикографических источниках XX и XXI вв.

В семантической структуре лексемы «fremd» можно выделить четыре значения, которые варьируются в зависимости от ракурса восприятия ввиду абсолютной относительности категории «чужест». В таблице приведены значения анализируемой лексемы и объект сравнения.

Табл. / Table

Нем. «чужой» / Germ. “foreign”	Ориентир, точка сравнения / Reference point	Основание сравнения / Comparison basis
1. <i>fremd</i> в значении «не отсюда, не относящийся к группе»	страна, народ, место, город, семья	происходящий из, родом из, относящийся к
2. <i>fremd</i> в значении «принадлежащий»	кому-то, группе людей, отдельному лицу	обладающий чем-то
3. <i>fremd</i> в значении «незнакомый»	я, мы, кто-то	привычный; тот, кому можно доверять
4. <i>fremd</i> в значении «не соответствующий норме»	традиция, канон, правило	странный, редкий

Данное положение подтверждают словарные дефиниции «fremd», представленные ниже:

Klappenbach / Steinitz: Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (1984 – 1977)

Fremd – 1. einem anderen Land, Volk, Ort, einer anderen Gegend angehörig, aus einem anderen Land, Volk, Ort stammend; 2. nicht sein eigen: a) einem anderen gehörend, einen anderen angehend; b) unter fremden (angenommenem) Namen schreiben; 3. nicht bekannt, nicht vertraut; 4. nicht zu etw., jmdm. passend, nicht in etwas gehörig¹.

Duden (1993 – 1995)

Fremd – 1. nicht dem eigenen Land oder Volk angehörig, von anderer Herkunft; 2. einem anderen gehörend, nicht die eigene Person, den eigenen

¹ Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (WDG) / Klappenbach R., Steinitz W. Akademie-Verlag, 1967. 4579 s.

Besitz betreffend; 3. unbekannt, nicht vertraut; 4. ungewohnt, nicht zu der Vorstellung, die man von jmdm., etw. hat, passend; andersgeartet¹.

DWDS (акт. 2004–2009)

Fremd – 1. einem anderen Land, Volk, Ort, einer anderen Gegend angehörend, aus einem anderen Land, Volk, Ort, einer anderen Gegend stammend; 2. nicht sein eigen; 3. nicht bekannt; 4. nicht zu etw., jmdm. passend, nicht in etw. gehörig².

В современном немецком языке лексема *fremd* имеет большое количество производных, относящихся к разным частям речи: Fremder m. / иностранец, Fremdling m. / чужестранец, пришелец; Fremde f. / чужбина; гл. befremden / неприятно касаться, казаться чужим; гл. entfremden / делать чужим, отчуждать; прил. befremdlich / удивительно, поразительно о чем-то неприятном и др.

К числу синонимов *fremd* можно отнести 25 лексических единиц, как языковых, так и контекстуальных аналогов, выражающих пространственное несовпадение, дистанцию (*auswärtig*, *ausländisch*, *fremdländisch*, *migrantisch*, *nicht von hier*, *nicht aus der Gegend*, *von außerhalb*, *von auswärts*, *fernstehend*, устар. *ausheimisch*), непривычность (*unbekannt*, *unvertraut*, *wildfremd*, *ungewohnt*), инаковость (*andersartig*, *exotisch*).

Приведенные данные показывают, что, несмотря на расширение коннотаций, базовые семантические признаки лексемы «*fremd*» определяются категориями локальности (пространства) и персональности (лица). То, что находится далеко и, следовательно, не принадлежит тебе, может быть незнакомым, может даже восприниматься как странное или отклоняющееся от привычного, нормального. То, что эти значения сосуществуют параллельно, очевидно из того факта, что чужое как не свое необязательно должно быть незнакомым или даже неизвестным и что, с другой стороны, неизвестное, незнакомое также может быть названо чужим, если оно является своим собственным.

Заключение

Мышление в противоположностях является неотъемлемой чертой человеческого познания и,

¹ Duden “Das große Wörterbuch der deutschen Sprache”: in acht Bänden. Bd. 1. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1993–1995.

² Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: <https://www.dwds.de/wb/fremd> (accessed 20.02.2024).

следовательно, основой лексической организации всех языков. Оппозиция «свой – чужой» составляет логику интерпретации лингвокультурной категории «чужесть» в русском и немецком языках. Обращение к лексикографическим источникам позволило описать семантическое поле «чужой» / «*fremd*» в русском и немецком языках и выделить ключевые признаки субъекта / объекта, определяющие его принадлежность к категории «чужесть»:

1. Локальный признак. Чужой как неместный / *auswärtig*, иностранный / *ausländisch*, далекий / *fern*.

2. Притяжательный признак. Чужой как не принадлежащий к чему-то / *nicht gehörig*, не собственный / *nicht eigen*, не родной / *nicht heimisch*.

3. Эпистемический признак. Чужой как иной / *andersartig*, непривычный / *ungewohnt*, незнакомый / *unbekannt*, новый / *neu*, далекий по духу / *blutfremd*.

4. Нормативный признак. Чужой как не соответствующий норме / *unnormal*, *abnorm*, не поддающийся сравнению / *unvergleichlich*, странный / *merkwürdig*, *seltsam*.

5. Эмоционально-флуктуирующий признак. Чужой в значении «чуждой, диковинный» / *andersgeartet*, удивительный / *bewunderlich*.

Для русской лингвокультуры ключевыми при определении «чужого» выступают притяжательный, эпистемический и нормативный признаки, коннотация значений варьируется от нейтральной до умеренно-положительной (чужой как незнакомый, новый, непривычный). В немецком языке большее значение приобретает указание на место, пространство (чужой как далекий, неместный), которое выражается в локальном признаке. Эмоционально-флуктуирующий признак сохраняет свою актуальность в малом числе контекстов как русского, так и немецкого языков.

Лингвокультурная категория «чужесть» представляет собой форму познания и отношения к действительности, которая характеризуется высокой степенью относительности, ситуативной обусловленностью и актуальностью исследования в современной действительности.

1. Краснобаева-Чёрная Ж. В. Пространственный код культуры ценностной картины мира (на материале русской, украинской, английской и немецкой фразеологии) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 169–180. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/65/16>
2. Свинкина М. Ю. Чужесть как лингвокультурная категория // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2 (57). С. 338–341. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25935113> (дата обращения: 20.02.2024).
3. Иванова О. А. Лингвокультурная идентификация понятия «der Fremde» – «чужой» в материалах СМИ Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 11 (827). С. 178–189. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41538912> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Müller-Funk W. Theorien des Fremden: Eine Einführung. Tübingen : A. Francke Verlag, 2016. 384 s.
5. Пигалев А. И. Свое и чужое в контексте философии позднего Хайдеггера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 2. С. 406–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-406-420>
6. Simmel G. Brücke und Tür. Essays des Philosophen zur Geschichte, Religion, Kunst und Gesellschaft. Stuttgart : Koehler, 1957. 281 s.
7. Münkler H., Ladwig B. Dimensionen der Fremdheit. In: Furcht und Faszination. Facetten der Fremdheit. Berlin : Akademie Verlag, 1997. S. 11–44.
8. Бурдун С. В. Лексико-семантические основы концептуализации понятия «чужой» в русской языковой картине мира: динамика и статика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 3. С. 193–197. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.39>
9. Polzin-Haumann C., Reissner Ch. Annäherung an die Fremdheit: Sprachgrenzen überwinden // Sprachliche Dimensionen der Fremdheit und Andersartigkeit / I. Wowro, M. Jakosz, R. Koziel. Frankfurt am Main : Peter Lang. S. 29–43. DOI: <http://dx.doi.org/10.22028/D291-28139>
10. Schneider Ch. Die Fremden, Fremdheit und Entfremdung // Soziale Arbeit in der Migrationsgesellschaft / B. Blank et al. (Hrsg.), Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2018. Pp. 233–242. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-19540-3_19

Статья поступила в редакцию 03.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.07.2024 г.; принята к публикации 21.08.2024 г.

Об авторе

Фадеева Марина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>, fadeeva@volsu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Krasnobaeva-Chernaya Zh. V. Prostranstvennyi kod kul'tury tsennostnoi kartiny mira (na materiale russkoi, ukrainkoi, angliiskoi i nemetskoi frazeologii) [The spatial code of the culture of the axiological world's image (Based on Russian, Ukrainian, English and German phraseology)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2018, no. 4, pp. 169–180. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/65/16>
2. Svinkina M. Yu. Chuzhest' kak lingvokul'turnaya kategoriya [Foreignness as a linguoculturology category]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of science, culture and education*, 2016, no. 2 (57), pp. 338–341. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25935113> (accessed 20.02.2024).
3. Ivanova O. A. Lingvokul'turnaya identifikatsiya ponyatiya “der Fremde” – “chuzhoi” v materialakh SMI Germanii [Linguistic and cultural identification of the notion “der Fremde” – “alien” in the German media]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2019, no. 11 (827), pp. 178–189. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41538912> (accessed 01.02.2024).
4. Müller-Funk W. Theorien des Fremden: Eine Einführung [Theories of the Stranger: An Introduction]. Tübingen, A. Francke Verlag, 2016, 384 s. (in Germ.)
5. Pigaliev A. I. Svoe i chuzhoe v kontekste filosofii pozdnego Khaideggera [One's Own and Foreign in Context of Later Heidegger's Philosophy]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya = RUDN Journal of Philosophy*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 406–420. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-406-420>
6. Simmel G. Brücke und Tür. Essays des Philosophen zur Geschichte, Religion, Kunst und Gesellschaft [Bridge and door. Essays by the philosopher on history, religion, art and society]. Stuttgart, Koehler, 1957, 281 s. (In Germ.)
7. Münkler H., Ladwig B. Dimensionen der Fremdheit. In: Furcht und Faszination. Facetten der Fremdheit [Dimensions of strangeness. In: Fear and fascination. Facets of strangeness]. Berlin, Akademie Verlag, 1997, s. 11–44. (In Germ.)

8. Burdun S. V. Leksiko-semanticheskie osnovy kontseptualizatsii ponyatiya «chuzhoi» v russkoi yazykovoi kartine mira: dinamika i statika [Lexico-semantic foundations for conceptualization of the notion “чужой (outsider)” in the Russian linguistic worldview: dynamics and statics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2019, no. 3, pp. 193–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.39>

9. Polzin-Haumann C., Reissner Ch. Annäherung an die Fremdheit: Sprachgrenzen überwinden [Approaching foreignness: Overcoming linguistic boundaries]. *Sprachliche Dimensionen der Fremdheit und Andersartigkeit* = Linguistic dimensions of foreignness and otherness, I. Wowro, M. Jakosz, R. Kozielec Frankfurt am Main, Peter Lang, s. 29–43. (In Germ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.22028/D291-28139>

10. Schneider Ch. Die Fremden, Fremdheit und Entfremdung [The strangers, foreignness and alienation]. *Soziale Arbeit in der Migrationsgesellschaft* = Social work in the migration society, B. Blank et al. (Hrsg.), Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2018, pp. 233–242. (In Germ.). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-19540-3_19

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 21.08.2024.

About the author

Marina Yu. Fadeeva

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University (100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>, fadeeva@volsu.ru

The author has read and approved the final manuscript.